

31. *Любенова В.* Античный производственный и торговый центр близ г. Радомир // Acta centri historiae «Terra antiqua Balcanica» — Sofia, 1986.
32. *Найденова В.* Римската вила в с. Кралев Дол, Пернишки окръг // Разкопки и проучвания. Кн. 14. — София, 1985.
33. *Младенова Я.* Римската вила при Ивайловград. Мраморна стенна декорация. — София, 1975.
34. *Младенова Я.* Афродизийски скулптори-декоратори в Тракия // Изкуство. — 1979. — № 9.
35. *Мартемьянов А. П.* Скотоводство в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э. // ВХУ. — 1993. — № 374.
36. *Кузманов Г.* За производството на глинени лампи в Долна Мизия и Тракия (I–IV в.) (По данни от Националния археологически музей, София) // Археология. — 1981. — Кн. 1–2.
37. *Клейман И. Б., Сон Н. А.* Западнопонтийские и провинциально-римские культурно-экономические связи Тиря // Материалы по археологии Северного Причерноморья. — Киев, 1983.
38. *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э.–V в. н. э. (на материалах Херсонеса). — Харьков, 1989.

Резюме

Матеріали археологічного дослідження східнобалканських земель свідчать про розвиток у II–III ст. н. е. в сільських районах Нижньої Мезії та Фракії різних галузей ремісничого виробництва. Особливо широкого розповсюдження набуло тут гончарське ремесло. Поряд з ним у сільській місцевості розвивалися металургія та ковальська справа, обробка каменю, дерева та кістки, прядіння та ткацтво. У більшості господарств ці виробничі галузі мали допоміжне значення. Але в ряді випадків вони набували ринкової орієнтації. Це стосується, зокрема, майстерень косторізів і каменярів, продукція яких відзначалася високою якістю і мала користуватися попитом у мешканців навколишніх поселень. Та найбільше економічне значення, певно, мало оформлення в сільській місцевості розвинутого керамічного виробництва, особливо таких великих гончарських центрів, які працювали з II ст. н. е. поблизу римського Нікополя на Істрі (сучасне с. Никюп Ловечської обл. у Болгарії). Таким чином, у перших століттях н. е. реміснича діяльність займала значне місце в житті населення сільських районів фракійських земель, і її слід обов'язково враховувати при вивченні соціально-економічної історії східнобалканських провінцій Римської імперії.

Summary

The article is devoted to a study of the place of handicraft in the life of the rural districts of Lower Moesia and Thrace in the 2nd–the 3rd centuries A. D.

The evidences of archaeological sources testify to the development of various handicrafts in the rural area in that time: ceramic production, metallurgy and blacksmithing, working up of stone, wood and bone, spinning and weaving etc. In most of rural farms handicraft played only a subsidiary role and provided home needs. But in some cases the handicraft production took the form of commodities. For instance the wares of ceramic centers in the vicinity of roman Nicopolis ad Istrum are to be found even to the north of the Danube. Thus it can be concluded that the handicraft activity of rural population had considerable importance to the social and economic development of the Thracian lands in the first centuries A. D.

С. Б. Сорочан

ЕЩЕ РАЗ О МЕТАКСЕ И ЕЕ ПРОДАВЦАХ

В Византии со времени правления Юстиниана I существовало собственное разведение шелковичных червей (e skolekothrophia) и, значит, были шелководы (oi skolekotrophoi). Эта высокотрудоемкая деятельность была сезонной, приходилась на апрель–июль, когда владельцы тутовых деревьев нанимали сезонных рабочих. Культивирование от личинки до собственно кокона, готового к прядению, требовало огромной заботы по поддержанию чистоты, особой температуры, влажности, даже отсутствия шума на месте производства. Занимались этим в прибрежных и некоторых районах Византии, где хорошо росли тутовые деревья, необходимые для питания шелковичных червей. Чтобы убить куколок в коконах, их нагревали в духовках, но дело это было тонкое, требовало поддержания строго определенной температуры, дабы не повредить нить, ее эластичность и цвет. Готовую продукцию в виде таких «пропеченных» коконов скупали у многочисленных, преимущественно мелких производителей либо оптовики, либо странствующие торговцы — инициативные, находчивые, обладающие средствами, организаторскими способностями и навыками «маркетинга» [15, р. 265–266, 300–301]. Они же диктовали «стартовые цены» сырья, пользуясь узостью рынка, а также тем, что давали производителям средства в долг, в кредит, под еще не выращенную продукцию. Но, несмотря на то, что ромеи получили возможность приобретать местное сырье для изготовления шелка, пользовавшегося самым широким спросом, его не хватало, и так называемая метакса (metaxa, nema sericum) продолжала экспортироваться как полуфабрикат, вероятно, в виде не раскрученных коконов и необработанных шелковых волокон [1, XXXIX. 4. 16. 7; 2, VI. 5. 9–16; VII. 1–6; VIII. 8; 3, с. 81–83]. Этот легкий, компактный, сравнительно дорогой материал оставался идеальным предметом торговли, который византийские купцы продолжали охотно продавать и в гораздо более поздние времена, судя по данным торговой книги Джакомо Бадозера, проживавшего в Кон-

стантинополе с 1436 г. по 1440 г. [4, с. 118; ср. 5, с. 247]. Следовательно, мы сталкиваемся с неким универсальным, неоспоримо важным товаром из числа сырьевых, с которым ромеям пришлось иметь дело едва ли не на всем протяжении истории существования их империи.

Известный эдикт Юстиниана 540–547 гг., касавшийся регламентации торговли привозной метаксой, называл метаксариями (*metaxarioi*) тех, кто покупал ее у коммерциариев, а затем продавал в общественном месте (*demosia*) [6, S. 15]. Книга Эпарха добавила к этому метаксопратов (*metaxopratai*) [2, VI. 1–3. 6. 7. 10. 12–14. 16; VII. 2. 4. 8], мелатрариев (*melathrarioi*) [2, VI.15], метаксариев (*metaxarioi*) [2, VII. 2] и катартариив (*katartarioi*) [2, VII. 2–5]. Но что представлял собой сам предмет торговли и обмена? Была ли это пряжа или только сырец и как выглядел товар, переходивший от одной категории торговцев и ремесленников к другой?

Б. Мендл уже в 1929–1930 гг. одним из первых стал утверждать, что слово «метакса» означало не пряжу, а лишь неочищенный шелк-сырец [6, р. 302–319]. М. Я. Сюзюмов, наиболее подробно изучивший вопрос, полагал, что термин имел в разных случаях разное значение, за которым скрывался то необработанный шелк-сырец, то готовая шелковая пряжа [2, с. 161–162, 167, 169–181, 266–267, прим. к с. 170].

Ясно, что метаксопраты, располагавшие нанятыми работниками-митотатами и рабами-икетами, имели право лишь покупать и продавать метаксу, но не очищать ее [2, VI. 14]. Они не должны были заниматься другим делом (*me eteran meterchesthosan technen*), например, одновременно торговать метаксой и одеждой из нее [2, VI. 1. 7]. Принцип «один человек — одно ремесло» был направлен на обуздание накопления монополистической мощи наиболее крепкими членами системы [15, р. 288]. Катартариив (*katartarios, katartizontes*), то есть те, кто очищал метаксу-сырец (*oi metaxan katartizontes*) [2, VII. 1], по мнению А. Штекле, были изготовителями готовой к употреблению пряжи [8, S. 26]. Такая трактовка обычно безоговорочно принимается византинистами, хотя она не единственная и иногда простирается вплоть до того, что в катартариив видят едва ли не производителей некрашеной шелковой ткани, причем обязательно бедных и зависимых [15, р. 276–288].

Однако очистка метаксы и изготовление пряжи — два разных технологических процесса в шелковом производстве. Приготовление собственно метаксы-пряжи (неочищенной метаксы) сводилось к размотке волокон из шелковичных коконов в горячей воде, которые на прядильном колесе соединяли в одну прядильную нить, а иногда для утолщения сращивали повторно [ср. 5, с. 108–109, 214]. Следует подчеркнуть, что такая метакса представляла намотанный на катушку или барабан непромытый, неочищенный шелк-пряжу, которая требовала дальнейшей обработки. Собственно очистка же (*katartizontes*) не была связана с этим подготовительным процессом, который обычно выполняли те, кто выращивал шелковичных чер-

вей и затем проводил размотку коконов, помещенных в горячую воду, в результате чего частично вымывался серицин и оставались шелковые волокна. Видимо, задача катартариив (в случае, когда они получали пряжу в виде нитей-полуфабрикатов из этого волокна в уже готовом виде, а не в виде предназначенных к размотке «пропеченных» коконов) состояла в том, чтобы подготовить шелк к окраске. Для этого нити шелковой пряжи промывали горячей водой и обрабатывали золой, просушивали на солнце в течение нескольких дней, ночью опуская в холодную воду, после чего тонкие, мягкие, очень прочные и легко окрашиваемые нити метаксы можно было употреблять для изготовления одноцветных тканей; для многоцветных их продолжали подвергать вывариванию, отбеливанию и, в зависимости от красителя, травлению [5, с. 109–111].

Куда сложнее решить вопрос о специализации метаксариев, который породил дискуссию. В основном все предлагаемые версии трактовки термина сводятся к тому, чтобы видеть под метаксарием либо мелкого торговца метаксой, либо мелкого ремесленника-кустаря, занятого обработкой метаксы и одновременно изготовлявшего на продажу мелкие изделия из нее, шелковые нити, вышивки, причем, вероятно, не являвшегося полноправным членом соответствующей профессиональной системы [9, S. 532; 10, S. 72; 11, р. 23 f; 12, S. 198 sq.]. Альберт Штекле, не прибегая к каким-либо сложным умозрительным построениям, первым стал полагать возможным видеть в метаксарии метаксопрата [8, S. 25]. Действительно, использование разных профессиональных терминов-синонимов не редкость в Книге Эпарха, где трапезит приравнивался по смыслу к каталлакту или саккулярию [2, IV. 7; VI. 10; VII. 1. 5. 7], офониопрат — к мифану [2, VII. 2] и т. п. Однако обращение к источнику не позволяет согласиться с таким простым и привлекательным на первый взгляд решением, которые разделяют многие специалисты [см.: 15, р. 276].

Во-первых, метаксарии не упомянуты в разделе о метаксопратах, но зато стоят в одном ряду с катартариивами [2, VII. 2]. Очевидно, кроме катартариив — членов специализированной системы — очисткой метаксы-пряжи занимались и метаксарии, не только мужчины, но и женщины, которые по причине материального, имущественного свойства не были включены в список (*apographe*) эпарха как имеющие право участвовать в закупке привозной метаксы и поэтому наравне с наиболее «ничтожными» (*oi eutelesteroi*) из катартариив, то есть самого низкого социального положения, не могли принимать участие в кионии метаксопратов и катартариив по закупке необработанной шелковой пряжи у иногородних торговцев [2, VII. 2. 4. 5; ср.: 15, р. 276–278, 288, 310–317]. Ближе всех к истине был М. Я. Сюзюмов, когда писал: «...можно предположить, что в VI в. под термином «метаксарий» понимался не только торговец метаксой, но и обрабатывающий шелк-сырец владелец ремесленного эргастерия» [2, с. 177]. К X столетию метаксарии превратились в мелких ремесленников, занятых, как и «более простые, ничтож-

ные» (oi eutelesteroi) из катартариев, главным образом очисткой готовой шелковой пряжи, приобретаемой у метаксопратов, но не имевших возможности напрямую закупать привозную метаксу.

Во-вторых, едва ли метаксарии-одиночки, по сути дела, стоявшие вне системы, занятые очисткой и подготовкой к крашению шелковой пряжи, могли изготавливать из нее для продажи что-либо более сложное, чем шелковые нитки, тем более «вышивки» и какие-то «мелкие изделия для рынка» [2, с. 178]. Этимология самого термина указывает скорее на ремесленный, чем торговый характер профессии, да и узорные вышивки шелком относились к одним из самых изысканных и дорогих видов текстильной продукции, изготовление которой не соответствует облику кустарей, упомянутых в Книге Эпарха наряду с самыми простыми (eutelesteroi) катартариями [2, VII. 2; ср. 5, с. 138].

Главное отличие состояло в том, что метаксопраты могли закупать у чужих купцов неочищенную метаксу-пряжу в количестве, которое позволяли деньги [2, VI. 9], тогда как катартарии, а значит и метаксарии, должны были покупать привозную шелковую пряжу лишь в том количестве, которое они могли обработать (ten metazan osen ergazontai) [2, VII. 1. 5]. При этом катартариям, под угрозой изгнания из системы, запрещалось жульничать, к примеру, добавлять калибровку нитей, дабы незаконно увеличить их вес, вести дела в шумной, назойливой манере, опускаться до площадной брани [2, VII. 6; 15, р. 288]. Очищенная метакса, то есть промытые, вываренные, отбеленные и протравленные шелковые нити, перепродавалась катартариями и метаксариями-одиночками метаксопратам, поскольку «...сирикарии должны покупать метаксу у метаксопратов» и более не у кого [2, VIII. 8]. Таким образом, метаксопраты действительно представляли привилегированную профессиональную ассоциацию сравнительно богатых, зажиточных, «почтенных и честных», «благонадежных», то есть социально значимых торговцев [ср.: 13, с. 378–379], но только не «импортным шелком» [2, с. 178], а коконами, готовыми к раскрутке, неочищенной шелковой пряжей, закупаемыми у иноземцев, а также очищенными нитями метаксы, полученными от катартариев и метаксариев, а возможно, и от так называемых мелатрариев. Название последних как будто намекает на тайную, скрытую (lathra) торговлю, но с гораздо большей определенностью текст Книги Эпарха указывает для них на запрет приобретения (exoneiothosan — дословно «выкупания») чистой, высококачественной метаксы (ten katharan metaxan) [2, VI. 15]. Поэтому резонно предположить, что мелатрарии являлись, по сути дела, теми же метаксариями, но имевшие дело с покупкой метаксы низкого качества, поврежденной, загрязненной.

Дальше с такой готовой к употреблению пряжей работали сирикарии, изготавливавшие ткани. Катартарии, в массе своей, видимо, отнюдь «не слишком бедные» (e pantelos arogaí), сами продавали очищенную метаксу, поскольку Книга Эпарха предусматривала наказание только в том

случае, если их уличали в продаже неочищенных нитей [2, VII. 1. 5]. После соответствующей обработки они отдавали их метаксапратам, которые имели монопольное право не только на закупку и перепродажу неочищенных шелковых нитей [2, VI. 14], но и очищенной метаксы любого качества, сбываемой ткачам [2, VIII. 8]. Несмотря на то, что катартариям противостояла спаянная группа метаксопратов — тех, кто обеспечивал единственно возможный выход для продукции катартариев на рынок, — не обязательно представлять метаксопратов такими глобальными монополистами, которые диктовали цены и эксплуатировали катартариев. Не следует забывать, что они, в свою очередь, зависели от поставщиков и чистильщиков метаксы-сырья. Кроме того, рыночные принципы и правовые ограничения создавали мощный «разоружающий эффект» в отношении подобного диктаторского поведения метаксопратов [15, р. 316–317].

В итоге выстраивалась следующая торгово-ремесленная и одновременно посредническая цепочка, замкнутая на метаксапратах:

закупка привозной неочищенной метаксы-пряжи кинонией метаксопратов и «не простых», привилегированных катартариев;

продажа неочищенной пряжи метаксопратами «простым», «ничтожным» (oi eutelesteroi) катартариям и метаксариям-кустарям (мелатрариям);

продажа катартариями и метаксариями (мелатрариями) очищенных шелковых нитей метаксопратам с их последующей перепродажей сирикариям [2, VI. 14; VII. 1. 2. 4; VIII. 8; см. 14, с. 71].

Специализация в этой области торговли сырьем (шелковой пряжей-полуфабрикатом и полностью готовыми к употреблению шелковыми нитями) была выражена наиболее отчетливо и, похоже, развивалась с VI в. в сторону некоторого углубления. Наличие же в ней подпроцессов или ярусов, как выразился Георг Маниатис, предполагает существование элементарного пирамидального управления [15, р. 219].

Литература

1. *Corpus juris civilis*. — Berolini, 1908. — Vol. 1: Digesta / Rec. Th. Mommsen. Retractavit P. Krueger. Ed. stereotzpa undecima. — P. 1–959.
2. *Византийская книга Эпарха* / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. — М., 1962.
3. *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. — М.; Л., 1951.
4. *История Византии*. — М., 1967. — Т. 3.
5. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Китай на Шелковом пути. Шелк и внешние связи древнего и средневекового Китая. — М., 1994.
6. *Mendl B.* Les corporations byzantines // *Byzantinoslavica*. — 1961. — Т. 22. — F. 2.
7. *Zachariä von Lingenthal K. E.* Eine Verordnung Justinianus über den Seidenhandel aus den Jahren 540–547 // *Записи имп. А. Н. Серия VII*. — 1865. — Т. 9. — № 6.

8. *Stöckle A.* Spätromische und byzantinische Zünfte. — Leipzig, 1911.
9. *Meyer E.* Compte-rendu // Byzantinische Zeitschrift. — 1912. — Bd. 21 (Stöckle A. Spätromische und byzantinische Zünfte. — Leipzig, 1911).
10. *Mickwitz G.* Die Organisation zweier byzantinischen Gewerbe im X. Jahrhundert // Byzantinische Zeitschrift. — 1936. — Bd. 36.
11. *Lopez R.* Silk Industry in the Byzantine Empire // Speculum. — Vol. 20. — № 1.
12. *Das Eparchenbuch* Leons des Weisen / Einführung, Edition, Übersetzung und Indices v. J. Koder. — Wien, 1991.
13. *Сороочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. — Харьков, 1998.
14. *Сороочан С. Б.* К вопросу о посреднической торговле в Византии VII–IX вв. // Вестник Харьковского государственного университета. — 1994. — № 385. — История. — Вып. 28.
15. *Maniatis G. C.* Organization, Market Structure, and Modus Operandi of the Private Silk Industry in the Tenth-Century Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers.* — 1999. — Vol. 53.

Резюме

У статті робиться спроба розібратися в різних точках зору дослідників на такий важливий предмет візантійської торгівлі як метакса. Очевидно, римляни розуміли під цим терміном і шовкове прядиво-напівфабрикат, і цілком готові до вжитку шовкові нитки. Аналіз технологічного процесу в шовковому виробництві дозволяє думати, що візантійські катартарії одержували шовкову пряжу у вигляді ниток-напівфабрикатів у вже готовому вигляді й їхні задачі полягали лише в очищенні та підготовці такої метакси до фарбування.

Питання про спеціалізацію і професійні відмінності виробників і продавців метакси, на думку автора, зводиться до реконструкції такого торговельно-ремісничого посередницького ланцюжка: закупівля привізної неочищеної метакси-пряжі товариством метаксопратів і «не простих», «привілейованих» катартаріїв; продаж неочищеної пряжі метаксопратами «простим» (eutelesteroi) катартаріям і метаксаріям-індивідуалам; продаж катартаріями і метаксаріями очищених шовкових ниток метаксопратам з їх наступним перепродажем сірікаріям. Таким чином, увесь ланцюжок був замкнений на метаксопратах і, в той же час, достатньо глибоко спеціалізований у кожній зі своїх ланок.

Summary

In the article is made the attempt to understand different points of view on such important subject of byzantine trade as metaxa. Obviously, romains understood this term simultaneously silk yarn-semifinished item and completely ready for the use silk strings. The analysis of technological process in silk production allows to believe, that byzantine katartaries received a silk

yarn as available of strings-semifinished items and their problem consist only in clearing and preparation such of metaxa to colouring.

The question on specialization both professional differences of the manufacturers and sellers of metaxa is reduced to construction of the following trade and craft, intermediary chain: purchase crude of metaxa-yarn by company of metaxopratos and “not simple”, “privileged” of katartaries; sale of the crude yarn metaxopratos to the “simple” (eutelesteroi) katartaries and metaxaries; sale the katartaries and metaxaries of the cleared silk strings to metaxoprates with their subsequent resale to the sirikaries. Thus, the whole chain was closed on metaxoprates and simultaneously is enough deeply specialized in each of the parts.

К. Ю. Бардола

О НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКЕ АРАБОВ В VII–VIII ВВ. В ЗАВОЕВАННЫХ ВИЗАНТИЙСКИХ ПРОВИНЦИЯХ

Необычайная по своей стремительности и интенсивности экспансия арабов привела к тому, что в течение 20 лет их племена завоевали обширные территории государства Сасанидов и Византийской империи, а новая религия — ислам — распространилась от берегов Окса до побережья Великого Сирта. Под ударами арабов ослабленная войной с Византией персидская империя шаханшахов в середине VII в. прекратила свое существование. В свою очередь, Византия с 637 по 653 гг. уступила новым завоевателям Сирию, Иерусалим, Антиохию, Месопатамию, Египет и всю Северную Африку, Армению. В следующую четверть VII в. арабы проникли до Халкидона и осадили Константинополь.

Причины столь быстрого арабского наступления подробно рассматривались различными исследователями и не вызывают острых дискуссий. Практически все исследователи отмечали, что ситуация, которая сложилась в Византийской империи накануне арабского нашествия, характеризовалась внутренними неурядицами, постоянными военными конфликтами и религиозными спорами в отдельных провинциях империи, что не способствовало решительному отпору новым завоевателям [1, с. 211; 2, с. 530; 3, с. 48; 4, с. 25; 5, с. 54]. В этой статье хотелось бы более подробно остановиться на экономических факторах столь быстрого продвижения арабов и затронуть такую важную тему, как характер и степень влияния византийских экономических принципов на политику, проводимую арабами на захваченных территориях.

Значительное влияние, которое оказывала Византия на политическую, экономическую и культурную жизнь своих соседей, единодушно признается историческими источниками как латинского запада, так и ирано-арабского Востока. Сирийские и армянские историки и географы, их коллеги из сасанидской Персии и арабского халифата, несмотря на